

В.А. Пржигоцкий

ПЕРВЫЙ ЦИКЛ РАССКАЗОВ Н.И. НАУМОВА «МИРНЫЕ СЦЕНЫ ВОЕННОГО БЫТА»

Рассматривается цикл Н.И. Наумова «Мирные сцены военного быта», представляющий собой первую попытку осмысления писателем народной жизни в контексте идей петербургского кружка сибирского землячества. Исследуются механизмы, связывающие рассказы цикла в единое целое и помогающие автору выстроить многогранный образ сибиряка-солдата и Сибири как особого локуса. Выявляются формирующиеся в данном цикле жанровые и идейно-эстетические особенности творчества Наумова.

Ключевые слова: Н.И. Наумов; сибирская литература; повествование; цикл рассказов.

Имя Николая Ивановича Наумова прочно вошло в русскую литературу благодаря его рассказам и очеркам 1870–1880-х гг., демонстрировавшим пореформенную жизнь сибирских крестьян и рабочих. Они привлекали особое внимание современников (среди которых можно выделить основателей сибирского областничества Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, а также критика А.М. Скабичевского) и более поздних исследователей (Г.В. Плеханова, С.Е. Кожевникова, Л.Г. Беспалову, И.Н. Кубикова, И.Г. Попова, Е.Г. Новикову и др.), вошли в пантеон народнической беллетристики (см.: [1–7] и др.).

Между тем в творчестве Наумова важное место занимает «солдатская» проза, с которой и началось его формирование как сибирского писателя. «Мирные сцены военного быта» являются не только одной из первых попыток (первый рассказ Н.И. Наумова «Случай из солдатской жизни» был опубликован в «Военном сборнике» за 1859 г., за два года до публикации «Мирных сцен...») погружения автора, прошедшего военную службу юнкером в сибирской линейной пехоте, в тематику солдатской жизни на сибирском материале, но и первым циклом в его творчестве. Однако научных работ о «Мирных сценах», в том числе о поэтике их циклизации, главной, на наш взгляд, проблеме в плане осмысления содержательности художественной формы цикла, нет. Этим определяется новизна предлагаемого исследования. Его актуальность обусловлена стремлением установить место цикла в общей картине творчества писателя, практически всю жизнь совмещавшего литературную деятельность с государственной службой, всматривавшегося в Сибирь то изнутри – из Сибири, то извне – из столичного Санкт-Петербурга. Целью нашей статьи является анализ первого цикла рассказов Наумова как лаборатории его повествовательных форм и как первого целостного выражения его мировоззрения начала 1860-х гг.

Прежде всего, отметим, что «Мирные сцены» написаны Наумовым по приезде из Сибири в Петербург, после выхода в отставку, обусловленного показательными внутренними и внешними причинами. Во-первых, имели место личностное созревание Наумова и осознание им ограниченности армейских условий для познания окружающей действительности и созидательной деятельности: «Я почувствовал скудость своих знаний, тяготился этим и кончил тем, что вышел в отставку и поехал в Петербург, в университет» [8. С. 180].

Ценные сведения о стремлениях Наумова в этот период находим также в письмах и воспоминаниях близких людей. Из его переписки с отцом узнаем о тяге будущего писателя к наукам [9. Л. 13]. Осуществить свое намерение получить высшее образование ему помогли Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – будущие лидеры сибирского областничества. Как отмечает в своих воспоминаниях Г.Н. Потанин, он и его соратник Н.М. Ядринцев, который был знаком с Наумовым с детства (они вместе учились в Томской гимназии), активно способствовали приезду Наумова в Петербург, его поступлению в университет, вхождению в круг их идей и в петербургское литературное сообщество [10. Т. 6. 1983. С. 116; Т. 7. 1986. С. 128–129]. Так, в дошедшем до нас письме Потанин пишет: «...горячая любовь к науке, которой нельзя не верить, прочитав Ваше письмо, одна достаточно заменить все прочее, что необходимо для успеха... <...> Мне кажется, важнейшие из других условий – это быть пригодованным нравственно, т.е. иметь убеждение, что ищешь и желаешь науки только для того, чтобы служить науке и человечеству, а не делать из нее впоследствии только ремесла для своего пропитания. А кто имеет непреодолимое влечение к науке, какое же тому нужно еще приготовление? <...> В этом нет никакого сомнения, что Вы будете полезнее на сцене более высокой, чем линейная служба... Приезжайте сюда, и Ваша благородная любовь не останется без братского отзыва и сочувствия» [11. С. 36].

К приезду Наумова в Петербурге сложился и активно функционировал кружок сибирского землячества, куда помимо Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева входили такие видные деятели, как Н.С. Щукин, И.А. Худяков и др. На его заседаниях обсуждались новые книги и журнальные статьи, важнейшие события университетской жизни, студенческие волнения, ход подготовки крестьянской реформы, а также перспективы Сибири [12. С. 133].

В то же время кружок был тесно вплетен в революционно-демократическое движение шестидесятичестия, разворачивающееся на фоне экономического, социального и политического кризиса, а также начавшихся реформ Александра II. В литературном поле эти процессы во многом обуславливают появление и популяризацию идей Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена, которые еще в армии увлекли Наумова [10. С. 180] и которые наряду с концепциями Н.И. Костомарова и А.П. Щапова лягут

в основу формирующегося сибирского областничества.

Приехав в северную столицу в 1861 г., Н.И. Наумов оказался в среде, благоприятной для его формирования как писателя и как гражданина. В подтверждение этого обратимся к словам Г.Н. Потанина: «Внутренняя политика изменилась к лучшему; появилась надежда на некоторый простор в сфере общественной деятельности; расширились права для частной инициативы, и человек с даже скромными силами получил надежду найти сферу для своей деятельности. Люди почувствовали себя с расправленными членами, общество рванулось к деятельности, кто к чему чувствовал себя способным» [10. Т. 7. 1986. С. 128]. Для Наумова той сферой, где он мог реализовать свои способности и направить их на пользу общему делу – служению Сибири, стало литературное творчество, к которому его активно подталкивали Потанин и Ядринцев, видевшие в нем будущего большого сибирского писателя в том смысле, в каком они это понимали (см.: [13]). Богатый материал для этого ему дала военная служба в Омске и Томске.

Чрезвычайно показательно, что рассматриваемые в данной статье рассказы были опубликованы писателем как цикл. Примечательны дата и место его публикации: 1861–1862 гг., «учено-литературный» журнал «Светоч». Его редактором был Александр Петрович Милюков, с которым Наумов познакомился в Петербурге и которым был зван на «вечера», по воспоминаниям Потанина, многолюдные и оживлявшиеся «горячими диспутами, например, Антоновича с Достоевским» [10. Т. 7. 1986. С. 131]. Вхождение в общество писателей расширило круг литературных знакомств Наумова: так, Ядринцев вспоминает «...восторженные рассказы по возвращении с вечеров, где он (Наумов. – В.П.) видел и такого-то писателя, и такую-то знаменитость» [10. Т. 4. 1979. С. 308].

Обратимся к анализу цикла, который принес Наумову, по словам Потанина, титул «второго после Погосского (Известный писатель солдатской прозы, издатель журналов «Солдатская беседа», «Народная беседа», «Досуг и дело», в которых публиковался и Н.И. Наумов.) рассказчика из солдатского быта» [10. Т. 7. 1986. С. 130–131]. Прежде всего обозначим вопрос о самом понятии «цикл». Утвердившееся в отечественном литературоведении только в XX в. понятие литературного цикла до сих пор не имеет единого толкования и единого подхода к изучению. Особенно это касается прозаического цикла, место которого в системе жанров до сих пор не определено [14. С. 475]. Наиболее плодотворной, на наш взгляд, является точка зрения М.Н. Дарвина и В.И. Тюпы, согласно которой цикл следует рассматривать как наджанровое (или сверхжанровое) образование. В этом ключе принципиальным является вопрос взаимодействия части (отдельного произведения) и целого (цикла). При этом, как отмечают ученые, «в циклической художественной форме важна... не столько подчиненность части целому... сколько сама эта связь частей» [15. С. 30]. Такую связь исследователи сближают с «монтажной композицией» С.М. Эйзенштейна, согласно которой «два каких-либо куса, поставленные

рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из того сопоставления как новое качество» (цит. по: [15. С. 31]). С одной стороны, это означает, что значение цикла превышает сумму значений составляющих его элементов, взаимное расположение которых, их внутренние смысловые связи формируют авторскую картину мира. С другой стороны, это позволяет анализировать и составные части как относительно самостоятельные. Кроме того, большое значение для нас имеют выявленные М.Н. Дарвином и В.И. Тюпой на материале прозы А.С. Пушкина, а также его журнала «Современник» ключевые принципы циклизации – интегративность и конвергентное сознание. Первая, по мнению исследователей, выражается в «предельной сращенности отдельных произведений друг с другом, единстве и целостности возникающей в рамках цикла художественной картины мира» [15. С. 282]. Конвергентное сознание же, в отличие от дивергентного (уединенного), характеризуется открытостью, диалогом с миром, признанием ценности Другого.

Исходя из вышесказанного в первую очередь поставим вопрос именно о целостности «Мирных сцен» Н.И. Наумова, о механизмах «сцепления» рассказов, входящих в этот цикл. Позволяющие быть прочитанными как самостоятельные, эти произведения объединены автором общим названием, общей тематикой и проблематикой, системой героев, рассказчиков, авторской позицией, хронотопом, они выстроены в определенную последовательность, композицию, откуда вытекает последовательное наращение логики и смысла целого.

Так, название «Мирные сцены военного быта» отражает и конкретизирует авторский замысел: показать различные стороны («сцены») повседневной («мирной») жизни солдата-сибиряка, продолжив и укрупнив художественные поиски, начатые в литературном дебюте писателя – рассказе «Случай из солдатской жизни». Автор цикла проявляет себя и в масштабе тем и проблем, раскрываемых на выбранном материале.

Важнейшую циклообразующую роль в «Мирных сценах» играет, в частности, идея общины, выдвинутая в центр русской общественной мысли в середине XIX в., ставшая одним из оснований областнической идеологии, она будет определять очень многое и в дальнейшем творчестве Наумова, в его представлениях о сибиряках, о русском народе в целом, что скажется и на его отношении к своим служебным обязанностям, связанным, прежде всего, с нуждами русского крестьянства. Герои цикла, повествователи и рассказчики, объединенные своим социально-экономическим положением, несут в себе общие, соответствующие этому положению, вытекающие из него традиции, мировоззренческие и культурные особенности. И прежде всего Наумов подчеркивает, что, несмотря на трансформации в их сознании, вызванные продолжительным отрывом от привычной жизни и деятельности, солдаты (и их жены), оказавшись в условиях казарменного быта, живут по законам солдатской артели, близким к устоям деревенской общины (внутреннее самоуправление при наличии управления официального, коллективистские принципы жизни и т.д.).

Эта «артельность» обуславливает тип героя, оказавшегося в центре всех рассказов и цикла в целом – сибирский крестьянин или горожанин (мещанин), не по своей воле сменивший привычный труд на военную службу. Обратим внимание на то, что герои нередко так и называются повествователями или рассказчиками артельщиками. Композиция цикла нацелена на то, чтобы раскрыть перед читателем разные стороны (облики) этого типа героя, во-первых, сквозь призму его «военного быта» мирного времени, во-вторых, голосами разных рассказчиков, повествователей, и создать картину народной жизни в Сибири, стремящуюся к эпической целостности.

Уже в первом рассказе цикла «Ротный праздник» написанном от третьего лица, представлен общий портрет солдата-сибиряка, главного героя цикла. Слово повествователя здесь преимущественно изображающее, но и изображенное, т.е. дающее возможность читателю сформировать отношение и к событиям, и к их участникам, и к тому, кто о них рассказывает. Следующий рассказ «Караул в остроге» вводит в цикл образы караульных солдат, и от лица одного из них излагается сцена в острожной «кордегардии», участниками которой являются молодая арестантка и ее мать. Во всех остальных рассказах: «Ротная школа», «Солдатский досуг», «Гулянье» и «Кумушки-солдатки» – рассказ вновь ведется повествователем, как бы наблюдающим со стороны за солдатами в ротной школе, в казарме, на берегу Иртыша, а также за их женами в домашней обстановке. Его слово при этом дополняется и даже отстраняется на второй план голосами героев-рассказчиков. Таким образом, внутри цикла возникает система разных точек зрения и, соответственно, несколько версий «мирной жизни» сибиряка-солдата, вступающих в диалог, задуманный биографическим автором цикла и поддерживающий его целостность.

Каждый рассказ, как правило, начинается с описания места и времени действия. Наиболее подробно оно представлено в первом рассказе «Ротный праздник», который открывается детальной и многоступенчатой зарисовкой, демонстрирующей различные материальные и нематериальные аспекты солдатской жизни. В начале рассказа читателю представляется «куча солдат», которые сообщая наводят порядок в казарме. Все они – «с засученными рукавами до локтей и панталонами до колен, в поту и грязи». В казарме рядами установлены одинаковые для всех нары, солдаты причесываются перед общим зеркалом общей гребенкой, не стесняясь друг друга, совершают утренний туалет, переодеваются и т.д. Повседневная, однообразная и тяжелая рутина жизни оттеняется описанием отмечаемого в роте «Никола Весеннего», церковного праздника перенесения мощей святителя Николая Чудотворца, который считается в народном календаре важной датой, когда крестьяне обращались к святителю с просьбами уберечь урожай, скот, когда в честь Николая Весеннего устраивали пиры (братчины). В завязке рассказа, представляющей подготовку к празднику, читатель знакомится с характером и особенностями приготовления праздничной солдатской братчины, предпраздничными занятиями и ожиданиями героев.

Это описание встраивается в проблемное поле и идейный замысел автора – показать исконное народное сознание. В сцене празднования подчеркивается, что оно удовлетворяет самые главные для человека мировоззренческие желания изобилия, свободы, равенства и братства: «Еще за месяц между ними (солдатами. – В.П.) начинались толки и предположения насчет обеда: говорили, что вероятно кроме щей будет и жаркое, видимое всего раз или два в год, а может напекут и булок, причем между некоторыми из более опытных возникали споры: может ли еще печь булки недавно выбранный хлебопек» [16. 1861. Кн. 11. С. 83]. Обращают на себя внимание и другие детали, свидетельствующие о генетической памяти сибирских солдат-крестьян об их истинных ценностях. Например, солдаты принимают активное участие в приготовлении праздничного хлеба и булок: со знанием дела они жуют, мнут между пальцами муку, определяя ее качество, советуют хлебопеку, как делать опару, как смазывать булки сметаной, купленной на рынке, и т.д. Праздничный обед в роте, во время которого было много выпито и съедено, заканчивается общей «стройной проголосной песней»: «Любо слушать эту широкую, надрывную песню, каждая нота ее хватает за сердце и не оторванного от родной избы солдата», и следующей за ней «разгульной». На празднике воцаряется атмосфера единства и родства: ротный весельчак Ножка учит играть на балалайке скрипача Голейку, а к концу вечера Голейка неистово подыгрывает Ножке на своей «березовой» скрипке; спорившие в начале пира о своем превосходстве с «российцами», «господскими», сибиряки, угощают их табаком [16. 1861. Кн. 11. С. 94–95]. Торжество, по заключению повествователя, оставило воспоминания «о минутном разгуле» и «неясные надежды и ожидания в будущем», чувства, по терминологии М.М. Бахтина, амбивалентные, соответствующие народному карнавалному сознанию.

Характерно и то, что истинное, религиозное, значение праздника не находит в героях рассказа отклика, да и как важная дата народного календаря Никола Весенний тоже не воспринимается ими, что также передается красноречивыми деталями: ротный образ с вычищенной к празднику медной лампадой находится в «койке», куда солдатам вход воспрещен, причем икона размещена в окружении портретов ефрейторов разных отделений, выполненных «домашними художниками», и «литографированных женских головок».

В рассказе «Караул в остроге» действие разворачивается осенним дождливым утром в «тесной каменной кордегардии, с узким окном, загороженным толстой железной решеткой», под «беспрерывный звон цепей проходивших колодников», с которым в повествование входит тема арестантов [16. 1861. Кн. 11. С. 97]. С ними солдаты-сибиряки сталкивались практически ежедневно и раньше, до поступления на службу. Как и раньше, они исходят в своих отношениях к колодникам из принципов солидарности с угнетенными и сострадания к ним. «Ротная школа» открывается описанием морозного зимнего вечера, звездного неба, выплывшего из-за горизонта месяца, «окаймленного широким радужным кругом»,

которому противопоставлен интерьер ротной школы, отличающийся от казармы лишь четырьмя столами со скамьями и черной доской. «По стенам висели таблицы взаимного обучения по методу Ланкастера» [16. 1861. Кн. 12. С. 165–166].

В «Солдатском досуге» действие вновь переносится в казарму [16. 1861. Кн. 12. С. 173–174]. Оттеняя эту картину, рассказ «Гулянье» открывается прекрасным пейзажем теплой июльской лунной ночи, под «звонкую трескотню кузнечиков... обливающей серебряным полусветом широкое поле... густо разросшиеся кусты берез и черемух», скрывающих бараки [16. 1862. Кн. 6. С. 5]. Все события происходят на Иртыше. Последний рассказ «Кумушки-солдатки» вновь переносит героев и читателей в тесную комнату, расположенную в подвале двухэтажного покосившегося на сторону дома, где живут солдатские жены [16. 1862. Кн. 6. С. 15–16].

Таким образом, уже в экспозиции всех рассказов вводится их главная тема – повседневная жизнь сибирских крестьян, находящихся на армейской службе. Вполне очевидно здесь изображение попытки солдат устроить ее по принципам общины, невзирая на противоположные ей законы армейской службы. Столь же очевидна позиция повествователя, единая для всех историй. Она заключается в пристальном наблюдении за обстоятельствами, в которых находятся его герои, и за поведением сибирских крестьян, призванных в этих чуждых для них обстоятельствах жить и нести военную службу. Кроме артельности и верности традициям народной жизни, о которой речь шла выше, повествователь настойчиво подчеркивает в сибиряках внутреннюю свободу. В «Ротном празднике» солдат по имени Михеич объясняет превосходство сибиряков над «российцами» тем, что последние – «господские». С этим он связывает и то, что «российцы... хлеб с соломой» едят и «солдатчина» им в радость: «хоша хлеба-то вдоволь едите... чего ты думаешь, не знают вашей жизни что-ли: ведь ты господский? ...И чего вы это кочевряжитесь, право, – продолжает он свое рассуждение, – Россия, да Россия, а избы-то бы посмотрели, выходит, почитай, конюшни нашенские». Окружающие Михеича его охотно поддерживают: «...да какое уж там житье, коли не свое все, а барское» [16. 1861. Кн. 11. С. 86].

С этим связано и акцентирование в солдате-сибиряке душевной отзывчивости, чувства сострадания и взаимопомощи. Вместе с тем рассказ «Ротная школа» дополняет этот портрет сибиряка доказательством «от противного»: в центре повествования находится образ ефрейтора Сомова, «сапожника и ротного пригонщика амуниции, слывшего за богача и скупца первой руки», которого никто в роте не любил. Перед читателем предстает своего рода антиидеал сибиряка. Сомова сослуживцы называли «скалдырником». Его не любили за жадность, скупость и «тяжелый неподатливый характер». Сомову в рассказе противопоставлен Кузьма Остолопов, отличающийся веселым характером и добротой и приобретший «общую любовь товарищей». В его портрете повествователем отмечены «открытая физиономия, постоянно оживляемая улыбкой, голубые смеющиеся глаза, заставляю-

щие невольно улыбнуться каждого». И главной чертой Кузьмы было соучастие, умение отвлечь от печали и тоски.

В связи с этим весьма показательна тема службы, также играющая циклообразующую роль в «Мирных сценах...». Так, в «Ротном празднике» мы видим солдат, даже в праздничный день живущих в соответствии со строгим режимом и правилами поведения. В рассказе «Гулянье» солдат поднимают посреди ночи, но не по военной тревоге, а потому что командирам, устроившим гулянку, понадобилось наловить рыбы в Иртыше. В «Ротной школе» солдаты по приказу обязаны отправляться после службы на занятия в школу и т.д. При этом строгие порядки и приказы почти во всех рассказах цикла обсуждаются солдатами, а также низшими чинами их начальства. В рассказе «Ротная школа» солдаты обсуждают друг с другом плохую организацию занятий в школе и даже высказывают вслух нежелание учиться в таких условиях. Герои из «Солдатского досуга», от наблюдательности которых, замечает повествователь, «редко скрываются злоупотребления», любят «полиберальничать в кругу друзей, перетолковывая действия фельдфебеля», правда, такие разговоры ведутся «только тогда, когда хорошо уверены друг в друге». Фельдфебель и дежурный в «Гулянье» наряду с солдатами недовольны приказом о ночной рыбалке, полученным от командиров. «Да куда ж гулять, на ночь-то глядя», – недоумевает дежурный, на что фельдфебель говорит, что его самого разбудили в неурочный час без причины [16. 1862. Кн. 6. С. 6]. Приказание фельдфебеля из рассказа «Ротный праздник» «не куролесить» на братчине солдаты выслушивают молчаливо, про себя уже зная, что этот бессмысленный, в их представлении, приказ выполняться ими не будет (к вечеру, в отсутствие командиров, в разгар празднования жизнь в казарме действительно течет в соответствии с желаниями, привычками, личными решениями солдат). С большим, едва сдерживаемым неудовольствием, о котором солдаты говорят друг другу уже вслух, они у накрытых столов ожидают прибытия командира, без поздравления которого не разрешается приступить к праздничной трапезе: «Да, вот бы, значит, мой обычай, проздравь роту да и допусти ее до закусок... а то нет – уедут еще да и жди». Рядом солдаты разговаривают о предстоящих смотрах, когда солдату приходится «и хватать, и мыть, и шить, и все», и возмущаются несправедливостью «порядков»: «...эх, порядки, порядки, а опосля как неисправность, значит, какая, так и взыскивают с солдата» [16. 1861. Кн. 11. С. 91].

Распоряжения и установленные правила могут с легкостью нарушаться военными. Например, прапорщик Крутиков разрешает непопозволенное свидание в остроге, слегка «поворчав» на просящую о встрече мать арестантки («Караул в остроге»). Муж Федосьи Кузьмичины (рассказ «Кумушки-солдатки»), конвойный солдат, сопровождающий «крепостного арестанта», зашел вместе с ним в «непотребный дом, да и напилась тамо-ка», за что конвойного отправили на гауптвахту, откуда его «вызволила жена». Нарушителям-солдатам противопоставлен другой ряд. В рассказе «Ротная школа» подпоручик

постоянно и безнаказанно пропускает занятия с солдатами, в «Гулянье» командиры отдают приказ, не имеющий никакого отношения к служебным обязанностям подчиненных». Обычным делом считаются оскорбления солдат со стороны высшего по званию, нередко к солдатам применяются и телесные наказания.

Показательно, что, в отличие от высшего командования (дворянского происхождения), отношения между солдатами и низшими чинами военного начальства почти родственные. Так, прапорщик Крутиков, замечив внутреннюю тоску героя-повествователя, «лечит» его душу чаем и душевным разговором за самоваром. Повар Федоска «искусно проникает в семейную жизнь фельдфебеля и даже командира роты» («Солдатский досуг»). В «Ротном празднике» солдаты пропускают мимо ушей грозные предостережения фельдфебеля «беречь зубы да спину», если они позволят себе выпить лишнего – они знают, что фельдфебель грозит им по «долгу службы». Более того, ситуация на Иртыше («Гулянье») показывает, что солдаты могут обходиться без начальства, без их приказов и правил, в нужную минуту самостоятельно принимая единственно правильные решения. В опасной ситуации все руководство над «неводчиками» взял на себя солдат Иванов.

Вышедшие из крестьянской среды солдаты в своей ежедневной жизни чаще всего руководствуются другими, не установленными для них начальством, а понятными им, впитанными с молоком матери правилами и принципами. Например, несмотря на оторванность от прежней жизни, для солдата все также чрезвычайно важна жизнь природы, он всегда, практически на бессознательном уровне наблюдает за ней, обращает внимание на приметы, предвещающие изменения в природном мире: «Нет, дождя-то не можно ждать! – опровергали иные. – А ветер-то, оно пожалуй, что будет: вишь, значит, кабы в тучу солнце-то село, так это к дождю, а коли в красное облако, так к ветру» [16. 1861. Кн. 11. С. 87]. Подобным предсказанием погоды открывается рассказ «Ротная школа»: «Ну будет мороз, братцы, ишь, месяц рукавицы надел» [16. 1861. Кн. 12. С. 165].

Особую роль в развертывании художественного мира и раскрытии образов героев играет пространство сибирской природы. В рассказах «Мирных сцен» очевиден дуализм в его изображении. Большинство событий происходит, как было сказано выше, в казарме, кордегардии, подвальной комнате. При этом сибирское природное пространство неизменно присутствует во всех рассказах и в той или иной степени взаимодействует с героями, влияет на развитие сюжета. Как правило, Сибирь представлена мотивами ненастья, холода, мокрого снега, тоскливо завывающего ветра, которыми может быть отмечен как осенний, так и весенний пейзаж. Интересно, что это практически не влияет на настроение героя-сибиряка и воспринимается им как норма. Например, в «Ротном празднике» хмурая погода в день торжества не мешает солдатам с воодушевлением готовиться к празднику. Осенняя, дождливая погода обозначена и в «Карауле в остроге», подчеркивая общую атмосферу, создаваемую бытовыми зарисовками и сюжетом. Примечательно в

этом рассказе и упоминание Амура в качестве далекого места ссылки, трагическим образом повлиявшего на судьбу персонажей. В «Гулянье», несмотря на «теплую июльскую ночь», природа вновь выступает угрозой человеку: этой семантикой наполнен образ реки Иртыш.

Однако солдаты знают, как себя вести в подобных природных условиях, знают о своих «помощниках» в противостоянии суровой и непреклонной природе (здесь на равных выступают и православные, и языческие народные верования). В целом, так или иначе, сибирская природа и сибиряки органично «сочетаются» в своих характерах и дополняют друг друга. Кроме того, мотив противоборства человека и природы отражает противоречивое отношение писателя к сибирскому краю.

С таким же полным доверием, как к природным приметам, относятся солдаты и к верованиям и знаниям, переданным им предками. В частности, для героев очень важны приметы, предвещающие определенные события, пространство и время для них всегда отмечено особой семантикой, которой их испокон веков наделяет народное сознание. Так, храбрый сослуживец Федоски решается пойти спать в баню только после уверения, что там «уже спит один»: «Ведь знамо, баня, какая она ни на есть, все-таки баня; ночью идти, хоть кого страх возьмет» [16. 1861. Кн. 12. С. 179]. В «Гулянье» солдаты говорят о реке как о пространстве нечистой силы, доказательством тому им служит «слово стариков» («Да уж старики говорят, так, знамо, правда») и собственный опыт. Особенно опасен, по словам одного из солдат, Иртыш, в который, не перекрестившись, и входить нельзя, «так в воду и утянется». Солдат Иванов убеждает всех в том, что наравне с крестом от беды может спасти родительское благословение [16. 1862. Кн. 6. С. 9–10]. Героиня рассказа «Кумушки-солдатки» связывает беду, приключившуюся с ее мужем, строевым солдатом, исключительно с событием, то ли увиденным накануне во сне, то ли реально произошедшим: кто-то «с козлиной поступью» приходил душить ее ночью и в ответ на ее вопрос, к добру это или к худу, ответил: «К ху-у-уду» [16. 1862. Кн. 6. С. 23–24].

Другими словами, главным принципом организации художественного времени в цикле является передача связи прошлого (вечного, исконного) и настоящего, выражающейся через мировоззрение героев и сами нарративные акты, что, безусловно, отсылает к архаической народной, крестьянской культуре, сохранившейся в сибиряке и Сибири практически в первоизданном виде. Традиции, верования, приметы, народные представления о жизни и смерти, природе и человеке, их отношениях имеют важнейшее значение для жизни героев в настоящем, реализуясь на бессознательном уровне.

Откровенное обсуждение «обыденных вопросов жизни, новостей и случаев» среди «своих» порождает, очевидно, новеллистическое и даже анекдотическое начало повествования. Рассказы, как правило, состоят из коротких, нередко смешных историй, изложенных свидетелями произошедшего. Вместе с тем в нарративе очевидна кодификация бытового поведения, сбли-

жающая анекдот с быличкой, сказкой, легендой, преданием. Солдаты с нетерпением ждут рассказов тех, кто умеет эти два начала соединить: рассказчики считаются авторитетными, если, умея «складно говорить», они больше других «видели и слышали», если же рассказчик – человек грамотный, да еще сошлется на печатное слово, ему верят безоговорочно, он становится «кумиром своего кружка». Таким кумиром «слыл ротный повар Федосей Здобнов», которому солдаты дали подходящее прозвище «Федоска ходячий газет» (заметим, кстати, что у многих солдат есть прозвища, заменяющие им личное имя и фамилию).

С одной стороны, в своих рассказах он сообщает слушателям конкретные детали, что делает его рассказ достоверным, подчеркивает реальность изложенного в нем: героем его историй был сослуживец, который запомнился ему «парнем на все руки», «статным молодцем», потому и попал «во фрунтовые». С другой стороны, безымянный герой историй Федоски интерпретирован в духе народного мировоззрения, он – характерный персонаж фольклорной несквозной прозы, вызывающий восхищение Федоски и тех, кто его слушает, тем, как ловко обманул богатую купчиху, которая сама отдала ему дорогую шубу. Здесь очевиден социальный пафос нарратива, характерный для народного творчества.

То же взаимопроникновение различных жанровых начал проявляется в рассказах «Гулянье» и «Кумушки-солдатки», что подводит нас к выводу о жанровой стратегии, выдержанной в цикле «Мирные сцены» в целом и являющейся еще одной из его скреп, придающих циклу дополнительные сверхсмыслы. Ее специфика позволила Н.И. Наумову синтезировать острую злободневность темы сибирского крестьянства, что было характерно для документально-очеркового дискурса о Сибири, и ее универсальный, общечеловеческий потенциал, общий подход к проблеме Сибири как особого локуса России с интересом к личности сибиряка, к его мировидению. В эту систему характеристик органично встроены и социально-исторический подтекст. Так, в ряде рассказов отражаются социальные, классовые конфликты не только между солдатами и высшими чинами командиров, о чем шла речь выше, но и между простыми солдатами. Его зачатки можно проследить уже в первом рассказе цикла «Ротный праздник» в связи с эпизодическим конфликтом ротного «банкира» (ростовщика) и Степаныча, которых не примирил даже ротный праздник. Более того, изобличая друг друга, герои тем самым агитируют и остальных, являющихся свидетелями и пассивными участниками этого противостояния.

Вместе с тем конфликты между героями возникают в рассказах Наумова не только на социальной, но и, при всей общинности солдатской жизни, на мировоззренческой почве. С этой точки зрения кульминацией цикла можно назвать рассказ «Ротная школа», особенно его центральную сцену спора упоминавшихся выше Кузьмы Остолопова и Сомова, прямых антагонистов в представлении и героев, и повествователя, который усматривает в Кузьке «натуру даровитую» с «непонятными» ему самому «внутренними желаниями». Остолопов ранее всех начал бойко чи-

тать, охотнее других, «из любви к знанию», ходил в ротную школу, вечерами читал на последние деньги купленные книги, правда, по оценке повествователя, это была «печатная рухлядь», которую только и предлагал толкучий рынок. Суть его спора с Сомовым – вопрос о смысле жизни и понимании человека. Кузьма прямо в лицо говорит Сомову о том, что тот абсолютно безграмотен, ничего не знает, не знает даже ни одной молитвы и умеет только «обирать у своего брата последнее да копить копейки и гроши». Сомов не видит в образовании никакого смысла – грамота не напоит и не накормит. В этом он получает, неожиданно для Кузьмы, поддержку других солдат, которые тоже не довольны тем, что они ходят в школу, но, в отличие от Сомова, их недовольство вызвано тем, что им приходится читать о том, что «писано не про них», и это воспринимается ими как пустая трата времени. Позиции спорщиков определились вполне четко: по словам Сомова, все, чего он достиг, он «на спине выносил», а Остолопов все «грамотой хочет взять». «Мы и без нее прослужим... послужи-ка и ты», – обращается он к Кузьме, представителю молодого поколения. Однако Остолопов не желает служить «спиной» и «под палку заучивать артикулы», о чем он «с сознанием своего достоинства» и заявляет всем присутствовавшим при споре [16. 1861. Кн. 12. С. 169–172].

Спор этих героев, по сути, столкновение разных мировоззрений (общинного, артельного и нарождающегося личностного, индивидуального) заканчивается монологом безымянного пожилого унтер-офицера, не только вставшего на сторону Кузьмы, но и выводящего дискуссию на новый уровень, к вопросу о будущем Сибири и сибиряков: «...теперича уже совсем, значит, не то, что прежде... коли ты грамотный-то... как голубчик все сам видишь, и прочитат ли что, письмо ли написать – все сумеешь (выделено нами. – В.П.)». С этим соглашается даже Сомов, еще раз подчеркивающий, однако, что учат их плохо, с постоянным унижением: «...пригонят нас, а мы и сидим вот так себе. Подпоручик и не ходит, хоша и начальник школы, а юнкера, помощники его, выходит, дворянничают только: дескать, я да я, как ты смеешь мне *ты* говорить, я дворянин, значит, а ты кто?» Совпадает с общим мнением героев и позиция повествователя. Его слово завершает рассказ открытой постановкой проблемы государственной важности: «В Сибири, в линейных батальонах, положение школ самое жалкое. Горячо сначала взялись за них, но только сначала. Скоро эта энергия остыла. На них не стали уже обращать внимания, а предоставили на произвол случая». По барабанному бою пришедшие в школу после службы в сильный мороз солдаты, так и не дождавшиеся учителя, отправляются назад, получив, по оценке повествователя, большой урок: спор Сомова и Остолопова заставил всех задуматься и «перетолковать» его по-своему [16. 1861. Кн. 12. С. 172–173].

Любопытен в связи с этим еще один солдатский разговор в рассказе «Гулянье». Рассуждая о смерти, герои, как уже было сказано выше, руководствуются народным представлением о конце человеческой жизни как естественном общеприродном явлении. Солдат Иванов, едва не погибший в водах Иртыша, спасая

жизни товарищей, поддерживает общую беседу о «нечистой реке Иртыш», от которой может спасти только слово родительское, и неожиданно для всех, «глубоко вздохнув и с раздумьем», задает вопрос, касающийся его личной смерти, трагедию которой он видит в следующем: «А что, братцы... если б я утоп-то, ведь меня бы не стало». В ответ на это «озарение» Иванова, может быть, впервые задумавшегося о ценности его личной жизни, звучат «общие» слова безымянного кашевара, не способные объяснить трагизм исчезновения из коллективной бытия отдельного человека: «Да уж это чего говорить...» [16. 1862. Кн. 6. С. 8–9].

В этом плане показателен и рассказ «Караул в остроге», герой которого прапорщик Крутиков разрешает старухе-матери свидание с дочерью-арестанткой, в которой «ничего... особенного не было; неправильные черты лица и робкий, запуганный взгляд серых глаз, оттененных длинными русыми ресницами». «Но между тем разлитая в них грусть родила... сострадание и участие» не только повествователя, но и прапорщика [16. 1861. Кн. 11. С. 100–101]. Не совсем понимая предложения своего молодого напарника оставить женщин наедине, он все-таки выходит с ним из комнаты, где проходит свидание, на улицу. Увидев там замерзшего солдата, ходившего по заледенелой платформе, как бы мимоходом отправляет его в будку, что, конечно, тоже не положено караульному. Откликается Крутиков и на просьбу матери о том, чтобы дочь не осматривали по возвращении со свидания.

Практически одновременно у прапорщика, ежедневно встречающегося со многими другими каторжниками, и у повествователя, впервые столкнувшегося с подобной историей, возникает вопрос о судьбе этой арестантки. Ефрейтор рассказывает весьма типичную историю с «жалостью», как неповторимую индивидуальную трагедию девушки и ее родителей. Основой трагедии, именно так воспринимают Крутиков, повествователь и рассказчик то, что случилось с Аннушкой, явилась ее глубокая любовь к одному из солдат, который обманул ее и бросил с ребенком. Судя по рассказу ефрейтора, как непоправимое воспринимают это и родители девушки, и она сама. Рассказ заканчивается описанием последнего свидания Аннушки, которую отправляли на поселение, с матерью. Его случайным свидетелем оказался повествователь, передающий эту сцену с высшим трагическим накалом: «Спустя три месяца после этого я опять случайно встретил старуху и Аннушку. <...> Трудно было узнать ее, так похудела и побледнела она: глубоко впавшие глаза светились уже не прежней робостью, а одним болезненным огнем, крупные слезы текли из них и падали на лицо старухи-матери, припавшей к груди ее и причитавшей по ней, как по покойнице» [16. 1861. Кн. 11. С. 106].

Таким образом, в «Мирных сценах военного быта» прослеживается влияние, с одной стороны, формирующейся идеологии сибирского областничества, выраженное в стремлении понять и познать Сибирь и сибиряка (в данном случае представленного единственной знакомой на тот момент Наумову социальной категорией – солдатской массой) через категорию

общины, а с другой – революционной-демократических идей шестидесятников, вскрывающих социальные и мировоззренческие противоречия народной массы.

Интересно посмотреть в свете выявленной организации сюжета в отдельных рассказах на макросюжет цикла «Мирные сцены». Рассказ «Ротный праздник» вводит читателя в общую атмосферу «общинной» жизни сибирских солдат, бывших крестьян и мещан. «Караул в остроге» выделяет отдельные личности героев, включая героя-повествователя, и подчеркивает в них общие черты характера. Общие черты мировоззрения сибирских солдат, проистекающие из их народного, «артельного» мировидения, и диалог общинного взгляда на жизнь, прочно укрепленного в Сибири, с идеей пробуждающейся личности, пришедшей с Запада и активно развивающейся в Центральной России, организуют сюжет следующей истории – «Ротная школа».

Рассказ «Солдатский досуг» отсылает читателя к истокам народной философии жизни, прорастающим в речевом творчестве крестьян-рассказчиков, изображаемых в обстоятельствах армейской службы. Следующий рассказ «Гулянье» показывает народное, крестьянское сознание сибиряка на фоне сознания командиров, представителей дворянства, прибывших в Сибирь на службу из Центральной России.

Последний рассказ цикла – «Кумушки-солдатки», словно оформляя макросюжет «Мирных сцен» в кольцевую композицию, переносит читателей в тесную подвальную комнату, где протекает «мирная жизнь» солдатских жен. Картина жизни сибирского «армейского» крестьянства расширяется по гендерному принципу, обогащается в связи с этим новыми (женскими) интонациями историй и рассуждений героинь на общие для всего цикла темы.

Таким образом, в цикле создается яркий тип сибиряка, точнее, несколько его вариантов, из которых носители народного сознания, традиций (прежде всего, имеется в виду общинный уклад жизни, близость к природе, амбивалентность взгляда на мир), общечеловеческих ценностей, в наиболее чистом виде сохранившихся, по убеждению автора, в Сибири, и представители с нарождающимся новым типом сознания, ориентированным на ценность личностной позиции, интересуют писателя в первую очередь. Кроме того, героев цикла можно поделить на две группы по их социальному положению, происхождению, мироотношению и принадлежности к Сибирскому региону. С одной стороны, это солдаты-сибиряки, вступившие в армейскую службу из крестьянской и мещанской среды, с другой – их командиры, принадлежащие дворянскому сословию, приехавшие в Сибирь из Центральной России по долгу службы. Автор подчеркивает существующий между ними разительный контраст, который имеет даже форму скрытой неприязни и конфликта. Симпатия (но не идеализация) повествователя (и автора) неизменно обращены к солдатам-сибирякам.

Сосредоточившись на важнейших, с нашей точки зрения, сторонах поэтики циклизации в «Мирных сценах...» Н.И. Наумова, в целом мы можем утверждать следующее. Одним из ее существенных моментов является наличие в цикле макросюжета, системы

героев, общего круга тем и проблем, что позволяет автору отойти от документально-очеркового нарратива, в рамках которого преимущественно осмыслялась тема сибирского крестьянства и столичными, и сибирскими писателями, в сторону собственно художественного повествования, связывающего конкретное и всеобщее, сиюминутное, злободневное и вечное, обстоятельства и личную мораль и психологию в глубокую картину мира. В этом цикле рождается многоголосое слово, произносимое последовательно или параллельно автором-повестователем, героями-

повествователями, рассказчиками, которое отнюдь не размывает изображение, а делает его объемным, живым, целостным. Столь своеобразное художественное воплощение одной из самых острых тем русской общественной жизни второй половины XIX в. – темы Сибири и сибиряка – органично вписывается в общее русло эволюции отечественной литературы названного периода, свидетельствуя о мощном социально-историческом и культурном потенциале этой темы. Ее разработкой в обозначенном плане начинается служение Н.И. Наумова Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы: 1848–1890. М. : Книга по требованию, 2015. С. 252–272.
2. Плеханов Г.В. Н.И. Наумов // Литература и эстетика. М. : Гослитиздат, 1958. Т. 2. С. 319–340.
3. Кожевников С. Литературное наследство Наумова // Собрание сочинений. 1939. Т. 1. С. 3–31.
4. Беспалова Л.Г. Рабочие Сибири в творчестве Н.И. Наумова // Сибирь в художественной литературе. Тюмень, 1961. С. 3–30.
5. Кубиков И.Н. Рабочие сибирских золотых промыслов в очерке Н.И. Наумова «Паутина» // Рабочий класс в русской художественной литературе. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Московский рабочий, 1928. С. 114–123.
6. Попов И.Г. Два очерка Н.И. Наумова о народах Алтая // Труды историко-филологического факультета Якутского университета. 1966. Вып. 1. С. 150–157.
7. Новикова Е.Г. Томск в жизни Н.И. Наумова: эскизы без теней // Русские писатели в Томске. Томск : Водолей, 1996. С. 128–146.
8. Автобиография Н.И. Наумова // Сибирские огни. 1963. № 9. С. 177–180.
9. Наумов И.Н. Письмо сыну Николаю от 21 февраля 1858 г. // ОРКП НБ ТГУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 150. Л. 13.
10. Литературное наследство Сибири : в 7 т. / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Зап.-сиб. кн. изд-во, 1969–1986. Т. 1–7.
11. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. 280 с.
12. История Сибири: С древнейших времен до наших дней : в 5 т. Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма / СО АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука, 1968. 511 с.
13. Айзикова И.А. Образ сибирского писателя в литературной критике и публицистике Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева (1870–1900-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 83–97.
14. Кадацкая Д.С. Термин «цикл» в отечественном литературоведении // Молодой ученый. 2017. № 22. С. 473–478.
15. Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина. Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск : Наука, 2001. 293 с.
16. Светоч : учено-литературный журнал. СПб. : Типография Д.И. Калиновского, 1860–1862.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 апреля 2020 г.

The Peaceful Scenes of Military Life: The First Cycle of Stories by Nikolai Naumov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 454, 28–36.

DOI: 10.17223/15617793/454/4

Vladislav A. Przhigotskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: hoald@mail.ru

Keywords: Nikolai Naumov; Siberian literature; narration; cycle of stories.

This article examines the cycle *The Peaceful Scenes of Military Life* and its place in Nikolai Naumov's literary work, which was continually combined with his civil service. The author of the article analyzes the mechanisms linking the stories of this cycle and helping Naumov to create the multi-faceted image of a Siberian soldier and Siberia as a specific locus. He also investigates the genre, ideological and aesthetic features of Naumov's literary work that are forming in this cycle under the influence of ideas of St. Petersburg Siberian circle. The analysis showed that, in this cycle, Naumov created a bright type of a Siberian, or rather some of its variants: carriers of national consciousness, traditions, universal values, according to Naumov preserved in their purest form in Siberia, and people with an emerging new type of consciousness, focused on individualism. In addition, the heroes of the cycle can be divided into two groups according to their social status, origin, worldview and belonging to the Siberian region: (1) Siberian soldiers who came the army from the peasant and philistine environment and (2) their commanders belonging to the nobility who came to Siberia from central Russia on duty. Naumov emphasizes the striking contrast between them, which shapes as hidden hostility and conflict. The narrator's (and author's) sympathy (but not idealization) is invariably addressed to Siberian soldiers. The other significant points of the poetics of cyclization in *The Peaceful Scenes of Military Life* are the macro-plot, the common range of topics and problems, which allow Naumov to escape from the documentary narrative (this is how the theme of the Siberian peasantry was mainly interpreted by both metropolitan and Siberian writers) towards the artistic narration uniting the specific and the universal, the momentary and the eternal, circumstances and personal morality and psychology into a deep image of the world. Such a peculiar artistic embodiment of one of the most acute topics of Russian public life in the second half of the 19th century—the themes of Siberia and Siberian—organically fits into the general channel of the evolution of Russian literature of the period, testifying to the powerful socio-historical and cultural potential of this topic, whose development in the indicated way gives start to Naumov's service to Siberia.

REFERENCES

1. Skabichevskiy, A.M. (2015) *Istoriya noveyshey russkoy literatury: 1848–1890* [History of the Newest Russian Literature: 1848–1890]. Moscow: Kniga po trebovaniyu. pp. 252–272.
2. Plekhanov, G.V. (1958) *Literatura i estetika* [Literature and Aesthetics]. Vol. 2. Moscow: Goslitizdat. pp. 319–340.
3. Kozhevnikov, S. (1939) *Literaturnoe nasledstvo Naumova* [The Literary Heritage of Naumov]. In: Naumov, N.I. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. pp. 3–31.

4. Bespalova, L.G. (1961) Rabochie Sibiri v tvorchestve N.I. Naumova [Workers of Siberia in the Work of N.I. Naumov]. In: *Sibir' v khudozhestvennoy literature* [Siberia in Fiction]. Tyumen: [s.n.]. pp. 3–30.
5. Kubikov, I.N. (1928) Rabochie sibirskikh zolotykh promyslov v ocherke N.I. Naumova “Pautina” [Workers of the Siberian Gold Mines in N.I. Naumov’s “Web”]. In: *Rabochiy klass v russkoy khudozhestvennoy literature* [The Working Class in Russian Fiction]. 4th ed. Moscow: Moskovskiy rabochiy. pp. 114–123.
6. Popov, I.G. (1966) Dva ocherka N.I. Naumova o narodakh Altaya [Two Essays of N.I. Naumov on the Peoples of Altai]. *Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta Yakutskogo universiteta*. 1. pp. 150–157.
7. Novikova, E.G. (1996) Tomsk v zhizni N.I. Naumova: eskizy bez teney [Tomsk in the Life of N.I. Naumov: Sketches Without Shadows]. In: Yanushkevich, A.S. et al. *Russkie pisateli v Tomske* [Russian Writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley. pp. 128–146.
8. *Sibirskie ogni*. (1963) Avtobiografiya N.I. Naumova [N.I. Naumov’s Autobiography]. 9. pp. 177–180.
9. Department of Rare Books and Manuscripts, Tomsk State University Research Library. Fund 2. List 1. File 150. P. 13. Naumov, I.N. (1858) *Pis'mo synu Nikolayu ot 21 fevralya 1858 g.* [A Letter to Son Nikolai of February 21, 1858].
10. Yanovskiy, N.N. (1969–1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri: v 7 t.* [The Literary Heritage of Siberia: In 7 Vols]. Novosibirsk: Zap.-sib. kn. izd-vo.
11. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1987) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State University.
12. Okladnikov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri: S drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 5 t.* [The History of Siberia: From Ancient Times to the Present Day: In 5 Vols]. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka.
13. Ayzikova, I.A. (2017) The Image of a Siberian Writer in Literary Criticism and Journalism of G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev (The 1870s–1900s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 83–97. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/49/6
14. Kadatskaya, D.S. (2017) Termin “tsikl” v otechestvennom literaturovedenii [The Term “Cycle” in Russian Literary Criticism]. *Molodoy uchenyy*. 22. pp. 473–478.
15. Darwin, M.N. & Tyupa, V.I. (2001) *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina. Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya* [Cyclization in Pushkin’s Works. Experience in the Study of the Poetics of a Convergent Consciousness]. Novosibirsk: Nauka.
16. *Svetoch: ucheno-literaturnyy zhurnal* [Svetoch: A Scholarly and Literary Journal]. (1860–1862). St. Petersburg: Tipografiya D.I. Kalinovskogo.

Received: 10 April 2020